

Когнитивные основания категоризации лексических единиц (на материале китайского и английского языков)

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
krasikova.liza@mail.ru

Аннотация: В статье утверждается, что категоризация лексики как в китайском, так и в английском языках основывается на концептуальных представлениях. Они регулярно воспроизводятся в семантике лексических единиц, относящихся к определенной предметной области. Моделирование концептуальной структуры лексемы позволяет вскрыть концепты, мотивирующие ее многозначность и формирующие категории. Исследование когнитивных аспектов китайских и английских лексем основано на комплексном анализе концептуальной внутренней формы лексической единицы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, китайский язык, английский язык, категоризация лексики, классификатор, концепт

Для цитирования: Красикова Е. А. Когнитивные основания классификации глаголов речевой деятельности в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 51–57.

Original article

Cognitive Bases of Lexical Categorization (based on the material of Chinese and English languages)

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The article shows that the lexical categorization in both Chinese and English is based on conceptual structures that are regularly reproduced in the semantics of lexical units related to a specific subject area. Modeling the conceptual structure of the lexeme allows us to reveal the concepts that motivate its ambiguity and form categories. The study of the cognitive aspects of Chinese and English lexemes is based on a comprehensive analysis of the conceptual internal form of a lexical unit.

Keywords: cognitive linguistics, Chinese language, English language, lexical categorization, classifier, concept

For citation: Krasikova, E. A. (2024). Cognitive bases for the classification of speech communication verbs in the Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 51–57. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие общества в последние десятилетия основывается на достижениях компьютерной техники, а также когнитивных наук. Когнитивная наука в широком смысле представляет собой совокупность наук о познании, т. е. приобретении, хранении, переработке знаний и об их наиболее эффективном применении. Когнитивная лингвистика (далее КЛ), в свою очередь, ориентирована на выявление того, каким образом язык реализует свою способность служить в качестве важнейшего способа получения, хранения, переработки и передачи информации об окружающем человека мире. Как отмечает В. И. Заботкина, «анализ базы данных ИНИОН и Российской государственной библиотеке показывает, что среди всех направлений когнитивной науки лидирует когнитивная лингвистика» [Заботкина, 2012, с. 209].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической базой настоящего исследования послужили следующие труды отечественных лингвистов: Е. Г. Беляевская, О. К. Ирисханова [Беляевская, 2017; Ирисханова, 2014] и др. Среди зарубежных лингвистов отметим таких ученых, как E. Rosch, B. B. Lloyd, G. Lakoff, W. Croft, A. D. Cruise и др. [Rosch, Lloyd, 1978; Lakoff, 1986; Croft, Cruise, 2004]. Китайские исследователи также внесли значимый вклад в развитие КЛ: 张敏, 胡壮麟 и др. [张敏, 1998; 胡壮麟, 2004].

Когнитивная лингвистика исходит из положения о том, что категоризация – это лингвистическое явление, результаты которого «отражены в полнозначной лексике, а каждое полнозначное слово можно рассматривать как отражающее отдельно взятую категорию со стоящими за ней многочисленными ее представителями» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 42].

Цель данной статьи – обосновать положение о том, что в основе категоризации лексики китайского языка лежат конкретные когнитивные модели, при помощи которых носитель «подводит» явления, объекты и процессы под определенную рубрику опыта, категорию и признает их членами этой категории.

Классификаторы, являясь лексико-грамматической особенностью в таких языках, как японский и китайский, давно привлекают внимание лингвистов (см. анализ японского классификатора *hon* [Lakoff, 1986]). Они представляет собой набор языковых единиц, которые сочетаются с существительным не только для измерения количества, но и для

конкретизации типа описываемого объекта. В русском языке никакие специальные определители перед существительным не ставятся: *собака, стол, дерево, нож*. В английском языке перед конкретными существительными употребляется артикль: *a dog, a table, a tree, a knife*. В китайском языке для всех вышеперечисленных существительных необходимо употребление различных специальных классификаторов, которые в связке с числительным не только маркируют число существительного, но и указывает на определенную характеристику объекта: 一只狗, 一张桌子, 一棵树, 一把刀. Естественно, что у русскоязычных студентов данный пласт лексики китайского языка вызывает определенные трудности, поскольку в русском языке отсутствует лексико-грамматический инструмент, способный объединять существительные в некие классы согласно их атрибутивным особенностям.

В русской и китайской лингвистических традициях учеными по-разному воспринимается такое понятие, как счетное слово или классификатор. Например, А. А. Драгунов, В. И. Горелов, В. А. Курдюмов и др. не проводят различия между терминами *классификатор, счетное слово, мерное слово, вспомогательное существительное*, рассматривая эти понятия как взаимозаменяемые, профилируя служебную роль и грамматическую функцию «счетности» данного класса слов [Драгунов, 1952; Горелов, 1989; Курдюмов, 2006]. Однако с переходом к когнитивной научной парадигме ряд зарубежных исследователей номинирует данные языковые единицы «классификаторами» [Tai, 1994; Wang, 1994], закрепляя за ними такого рода номинацией важный статус языкового инструмента категоризации действительности.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Когнитивная лингвистика позволяет предположить, что в основе употребления китайских счетных слов лежат когнитивные модели. Например, 一把刀 – *нож* (классификатор 把 высвечивает две идеи: 1) 'количество субстанции, помещающееся в ладони': *горсть риса, пригоршня крупы*; 2) «действие рукой, чтобы обхватить предмет до неподвижного состояния» и сочетается с существительными, обозначающими объекты, у которых есть «ручка»: *стул, веер, чайник* и т. д.).

Попытки описать классификаторы с позиции когнитивной лингвистики уже предпринимались ранее. Например, китайский лингвист Тай выделил пять аспектов классификации существительных (1) одушевленность, (2) форма, (3) размер, (4) консистенция и (5) атрибуты, относящиеся к частям объектов, как соответствующие когнитивные категории в китайской системе классификаторов.

Коммуникативные ошибки у студентов, изучающих китайский язык, часто связаны с сочетаемостью того или иного классификатора с именем существительным. Для наибольшей наглядности сравним английские и китайские лексемы лексико-семантической группы «ЧАСТЬ ЦЕЛОГО» [Красикова, 2023].

Например, в английском языке, измерительное слово *loaf* описывает часть целой съедобной субстанции (*a loaf of bread* – буханка хлеба). А если нужно конкретизировать определенную форму хлеба (тонкий и плоский кусок), мы можем использовать лексему *slice* (*a slice of bread* – ломтик хлеба). При упрощенном лингводидактическом подходе студентов принято обучать тому, что лексическая сочетаемость лексемы *slice* в английском языке, за исключением нескольких случаев, ограничена существительными тематической группы «пища», например: *a slice of cheese* – ‘ломтик сыра’, *a slice of potato* – ‘ломтик картофеля’, *a slice of meat* – ‘ломтик мяса’ и т. д. Используя метод лексической семантики и анализируя КВФ (концептуальная внутренняя форма) слова *slice* с позиций когнитивной лингвистики, открывается более обширная семантическая картина, которая позволяет сделать ряд интересных выводов относительно когнитивно-семантических оснований полисемии данной лексики.

Слово *slice* происходит от старофранцузского *escliz* (XIII век) «splinter, broken piece of wood». В английском языке данная лексема первоначально была зафиксирована в XV веке со значением «thin, broad piece cut from something», и с тех пор появилось множество технических применений для обозначения конкретных тонких, широких предметов¹.

Как видно из этимологической справки, в семантической структуре данного существительного, основанной на его концептуальной внутренней форме (КВФ), имеются маркеры, высвечивающие несколько идей: 1) форма «thin, broad»; 2) часть, отрезанная от целого при помощи инструмента «cut from something»; 3) характер части и целого (твердая субстанция) «piece of wood». Данные концепты прослеживаются в лексикографической презентации семантики лексики: Oxford English Dictionary², Merriam Webster³ и The Britannica Dictionary⁴. Проанализированные словарные статьи подтверждают наличие следующих концептов, закрепленных в КВФ слова *slice*: 1) форма (тонкая, плоская, широкая, клинообразная); 2) функция + инструмент для нарезания и поднятия в воздух над поверхностью); 3) часть, предназначенная для получателя; 4) резкое действие отрезания; 5) характер части

и целого (твердая субстанция); 6) часть, отрезанная от целого при помощи инструмента; 7) маленький размер части целого. Все вышеперечисленные концепты служат источником метафорического расширения значения у анализируемой лексики и предопределяют ее сочетаемость с существительными.

Идея ‘тонкого плоского среза некоторого объекта’ реализуется и в китайском языке, причем эту функцию выполняет специальное счетное слово. В китайской системе классификации особое внимание уделяется еще более обширным категориям, охватывающим широчайший спектр объектов. Например, классификатор 片 «обслуживает» существительные, которые на первый взгляд ничем не связаны между собой: *горная цепь, пластина льда, овощное поле, отголоски хохота, тишина, отрывок текста*. Соответственно, для русскоязычных студентов остается большой загадкой, какие основания лежат при выборе данного классификатора для вышеперечисленных существительных и какой перевод будет считаться адекватным.

Далее мы постараемся описать когнитивную модель, которая определяет выбор рассматриваемого классификатора в речи. На первом этапе, рассмотрим подробнее китайский иероглифический знак 片 [piān]. Пиктограмма 片 относится к указательному типу иероглифического знака (指事). Согласно данным лексикографического источника «说文解字», впервые данный знак был зафиксирован в надписях 甲骨文 *цзягувань* со значением «判木也.» древесина, разделенная на части⁵. Первое значение данного иероглифического знака 动词, 将原木剖切成若干薄片⁶ глагол, со значением *кругляк (необработанная древесина) нарезана на несколько тонких кусков*.

В словарных статьях также были выявлены глагольные и именные значения данного иероглифического знака. Приведем некоторые из них:

- 1) 扁而薄的东西 плоские и тонкие предметы: 唱片 пластинки, 木片 древесная стружка, 名片 визитка, 虾片 креветочные чипсы;
- 2) 半; 整体中的一小部分或较大地区内划出来的较小地区 половина; небольшая часть целого или меньшая площадь, выделенная в пределах большей площади: 片简 (片断的文字材料) фрагмент рукописи (отрывок письменных материалов), 分片包干 подрядная ответственность по секторам, 片玉 (比喻群贤之一) нефрит (образно о мудром человеке, подразумевая выделение его одного среди группы таких же мудрецов);
- 3) 雪花 снежинка;

¹URL: <https://www.etymonline.com/search?q=slice>

²URL: <https://www.oed.com/?tl=true>

³URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slice>

⁴URL: <https://www.britannica.com/dictionary/slice>

⁵URL: <https://www.zdic.net/hans/%E7%89%87>

⁶URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=11891>

- 4) 花瓣 лепесток: 花片 лепесток цветка, 牡丹片 лепесток пиона;
- 5) 词的分段称分片, 上段叫“上片”, 下段叫“下片”。下一段的开头叫“过片” [section]. Деление стихотворения на отрезки называется 分片 фрагментация. Предшествующий раздел называется “上片”, последующий раздел называется “下片”. Начало последующего раздела называется “过片”.

На следующем этапе исследования мы обратились к лексикографическим данным словаря счетных слов 汉语量词大词典 (2013)¹. В качестве классификатора в словарных статьях зафиксированы следующие значения:

- 1) 用于薄而成片的东西 для тонких и ломтеобразных (плоских) объектов: 一片冰 пластина льда; 几片玻璃 несколько листов стекла; 一片小木条 деревянная рейка; 一片肉 ломтик мяса (*соломкой*);
- 2) 用于成片的空间, 多指地面、水面、有时也指人. 数词多用 “一” для обозначения фрагментов пространства, в основном относится к поверхности земли, водной поверхности, а иногда и к людям. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片土地 клочок, земли; 一片群山 горная цепь; 一片森林 сплошной лес; 一片大海 океанская гладь; 一片菜田 овощное поле (*сплошное*); 一片黑压压的人 тьма-тьмуша людей;
- 3) 用于景象、气象. 数词多用 “一” для пейзажей, панорам, метеорологических явлений. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片火海 стена огня (*море огня*); 一片黑暗 мрак; 一片明丽的秋色 залитый солнечным светом осенний пейзаж;
- 4) 用于声音、语言. 数词多用 “一” для голоса, языка. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片欢笑声 отголоски хохота (*сплошной хохот*); 一片号哭声 звуки плача (*шум плача*); 一片欢呼 приветственные возгласы; 一片谎言 сплошная ложь; 一片冷言冷语 колкости; 一片甜言蜜语 сладкие речи;
- 5) 用于心意、心情、神情等. 数词多用 “一” для выражения мыслей, настроения, самочувствия и т. д. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片好意 атмосфера доброты; 一片好心 от всего сердца; 一片痴情 ослепленность страстью;
- 6) 用于文字 для текстов: 一片文字 отрывок текста.

Ранее Цзинь Тао уже предпринимала попытку анализа данного классификатора с точки

зрения КЛ. Во-первых, автор указывает на такие пространственные характеристики, как плоскость и тонкость, присущие данному классификатору (примеры пункта 1). Кроме того, анализируя данную пиктограмму, автор пришел к выводу о том, что во внутренней форме данного классификатора содержатся несколько уровней абстракции. Как отмечает Цзинь Тао, «в китайском языке с помощью счетных слов вырисовывается ‘некая вещь’ ощущений и переживаний, которые испытывает человек при воздействии внешних факторов» [Цзинь Тао, 2007, с. 22]. То есть абстрактные объекты, не имеющие видимой формы в материальном мире, в языковой репрезентации обладают «формой» и «способностью» заполнять определенный участок пространства.

Первая ступень абстракции значения слова 片 просматривается в его сочетаниях со словами, которые могут быть восприняты как обширный плоский участок (примеры пункта 2). В данных примерах лексики *земля, лес, поле, океан* и др., при сочетании с классификатором 片 рассматриваются не просто как географические объекты, существующие на земле, а как «конкретные участки, которые простираются перед взором человека». Иными словами, классификатор 片 «передает «охват» взором человека всей обширности участка» [Цзинь Тао, 2007, с. 23].

На второй ступени абстракции значения данной лексики опираются на переход от ощущения «охвата» зрительным восприятием чего-то на «охват» самого человека какими-то ощущениями. К таким абстрактным объектам автор относит пейзажи, панорамы времен года, атмосферу, настроение, тишину и т. д. С точки зрения автора, классификатор 片 профилирует идею существования объекта в момент, когда их воспринимает или переживает человек, при этом объект **не является реальным предметом** (примеры пункта 3). Восприятие таких абстрактных объектов действительности, как природные пейзажи, панорамы времен года в основном, по мнению автора, опирается на зрение человека. В фокусе внимания носителя китайского языка фиксируется «захват взором картины природы» [Цзинь Тао, 2007, с. 22], которая простирается перед глазами и воспринимается как нечто реальное, заполняющее все поле зрения человека. Немаловажным является наложение психологического воздействия на данную «картину», поскольку она может вызывать печаль, умиротворение и другие ощущения. По мнению Цзинь Тао, «человек физически ощущает, что чувства, вызванные зрительным восприятием, могут “заполнять его”. И благодаря этому в сознании человека эти “картины” обладают некой вещностью и соответственно могут

¹汉语量词大词典/刘子平编著. 上海 上海辞书出版社, 2013.10, 322页

заполнять и определенный участок в пространстве» [Цзинь Тао, 2007, с. 23].

Таким образом, автор пришла к выводу о том, что во внутренней форме данного классификатора содержатся несколько уровней абстракции, которые диктуются реальным пространственным восприятием в сознании китайцев абстрактных объектов, не имеющих видимой формы существования в материальном мире.

Автор замечает, что классификатор 片 может сочетаться только с числительным один, который не выражает количества, а имеет значение *целый, весь, сплошной* и выполняет функцию описания ситуации [Цзинь Тао, 2007, с. 17]. Данное положение подтверждают словарные статьи 2–5.

Интересно и суждение автора о том, что возникновение такого рода восприятия базируется на «переключении» потока ощущений человека. Это сложное переплетение когнитивно-физических ощущений моделируют целую цепочку семантических связей (от ощущения «охвата» взором возникает ощущение «заполнения» субстанцией нашего поля зрения, от ощущения «заполнения» себя переживаниями возникает ощущение «заполнения» пространственного участка тем, чем были вызваны эти переживания), которые, в свою очередь, формируют иерархически сложную семантическую структуру классификатора 片.

Выводы

Мы позволим себе дополнить дефиниции Цзинь Тао, относящиеся к классификатору 片, рядом новых выводов, которые мы получили в ходе проведенного нами исследования.

Во-первых, психологический аспект является источником метафоризации для словарного значения (пункта 5), а именно переплетение физического ощущения заполненности с чувствами, вызванными зрительным восприятием, «рисуют картину» **полностью заполненного** участка. В примере 一片好心 от всего сердца (от всей души), душа или сердце воспринимается как некий участок или сосуд, который должен быть **полностью заполнен**.

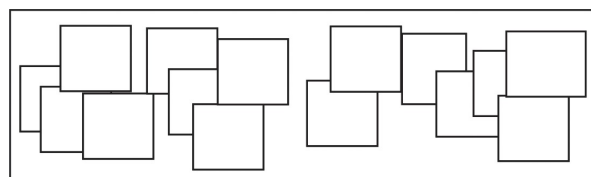
Во-вторых, классификатор 片 следует рассматривать как лексему ЛСГ «часть целого», в семантике которой содержится идея отделенной при помощи инструмента тонкой по форме части на фоне целого. Данная идея подтверждается маркерами, скрытыми в этимологии исследуемой лексики (切成若干薄片), а также примерами словарной статьи (пунктов 4 и 6), например: 一片文字 (досл. 'один + 片 + пянь + текст') можно трактовать как **отрывок текста**.

Что касается концепта «часть на фоне целого», в пункте 4 речь идет о сочетании данного классификатора с существительными, обозначающими различные голосовые потоки. При этом вне контекста невозможно понять, каким образом следует перевести словосочетание 一片声音 (досл. 'один + 片 + пянь + голос'). При использовании данного классификатора со словом *голос*, речь не идет о голосе как о человеческой физической функции, или о форме (голос как длинная тонкая полоска). Отнюдь нет, в данном речевом узусе конкретизируется небольшой заполненный (голосом) участок в пространстве, т. е. голос как длинная тонкая полоска воспринимается на фоне более обширного целого. В качестве примера, позволяющего лучше понять и представить себе общую ментальную картинку, можно привести ситуацию, когда в зале неразбериха и на фоне, на разных участках зала слышатся сразу несколько голосов, т. е. зал воспринимается как целое пространство, а голоса, как маленькие отдельные части на фоне целого, которые как бы «понемногу, то тут, то там» в разных участках целого заполняют его. Именно, поэтому, на наш взгляд, такого рода словосочетания следует переводить по-разному в зависимости от контекста (一片声音 отголоски, 一片呼唤声 возгласы). В качестве примера контурно обозначим следующую контекстную ситуацию:

茶堂里响起一片零乱的呼唤声。
(沙汀“在其香居茶馆里”)。 – В чайном зале раздался беспорядочный шум (возгласы) (Ша Тин. В ароматной чайной).

Визуально, данный контекст можно представить в виде следующего схематического рисунка:

Схема 1.

В-третьих, развивая идеи Цзинь Тао, заметим, что важную роль играет точка, на которой находится говорящий. Имеет значение то, как она расположена по отношению к описываемому объекту. Примером тому может послужить словосочетание 一片群山 (досл. 'один + 片 + пянь горная цепь'). Снова вне контекста догадаться о том, что речь не идет о манифестации географического объекта, расположенного на земле, довольно трудно. Словарная статья в лексикографическом источнике также не дает полного

представления об особенностях описываемого объекта. Для русскоязычного пользователя ситуация становится еще более затруднительной, поскольку скорее всего горная цепь будет ассоциироваться у него с острой формой пика горной вершины или ее большим размером, но никак не с плоским объектом, указание на который имеется в семантике лексемы 片, а на уровне обучения студентов практически во всех учебных пособиях отмечено, что данный классификатор употребляется для пластинообразных предметов. Все вышеперечисленное направляет когнитивные процессы русскоязычных пользователей в неверном направлении при выборе существительных для классификатора 片. Исследуя глаголы направленного действия, А. А. Шахаева отметила схожую проблему, которая заключается в том, что «в учебной литературе значения глаголов направленного движения представлены статичными переводами на русский язык, которые не только не раскрывают компоненты значений лексических единиц, а наоборот, направляют мыслительный процесс обучаемого по ложному пути» [Шахаева, 2024, с. 421]. Только исходя из этимологии, а также из контекстной реализации данной лексемы и обладая обширными знаниями в области мировосприятия китайской картины мира, мы можем прийти к выводу о том, что в данном случае важнейшую роль играет

восприятие и локализация объектов в пространстве с позиции антропоцентризма. Иными словами, в китайской картине мира профилируется локализация говорящего в пространстве. Например, для того чтобы использовать данный классификатор в словосочетании *горная цепь*, говорящий должен находиться на небольшой возвышенности, которая выше данной горной цепи. Именно такой пейзаж будет восприниматься носителем как нечто непрерывное и даже плоское с определенного ракурса и описываться представителем китайской лингвокультуры при помощи классификатора 片.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, все вышеизложенное указывает на то, что понимание глубинной семантики той или иной лексемы способно радикально поменять восприятие лексического уровня китайского языка. На наш взгляд, ввод такого рода информации на занятиях по иностранному языку способен упорядочить представление студентов о принципах категоризации лексики в китайском языке, что, в свою очередь, будет способствовать решению лингводидактических задач, направленных на повышение эффективности усвоения иноязычной лексики, которые стоят перед преподавателем иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заботкина В. И. Некоторые тенденции развития когнитивных исследований в России [Слово и смысл]. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 205–216.
2. Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л. В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2017. С. 82–155.
3. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. Rosch E., Lloyd B. Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum, 1978.
5. Lakoff J. Classifiers as a reflection of mind // Noun Classes and Categorization / ed. by C. G. Craig. Amsterdam: John Benjamins, 1986. P. 13–52. (Typological studies in Language, 7).
6. Croft W., Cruise A. D. Cognitive Linguistics. Cambridge University Press, 2004.
7. 张敏. 认知语言学及汉语名词短语. 北京: 中国社会科学出版社, 1998年 = Чжан Минь. Когнитивная лингвистика и китайские именные словосочетания. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 1998.
8. 胡壮麟. 认知隐喻学. 北京: 北京大学出版社, 2004年, 244页. Ху Чжуанлинь. Когнитивная метафорика. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2004.
9. Кубрякова Е. С. Категоризация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 42–45.
10. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л.: АН СССР, 1952.
11. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989.
12. Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд; Вече, 2006.
13. Tai J. H.-Y. Chinese Classifier Systems and Human Categorization // Interdisciplinary Studies on Language and Language Change: In Honor of William S.-Y. Wang / M. Y. Chen and O. Tzeng (eds.). Taipei: Pyramid Press, 1994.
14. Wang L. Origin and Development of Classifiers in Chinese: PhD Dissertation. The Ohio State University, 1994.
15. Красикова Е. А. Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть – целое» в китайском языке (англо-китайское сопоставление) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 62–68.
16. Цзинь Тао. Концептуальная система пространства (фрагмент китайской языковой картины мира): монография. Владивосток: ВГУЭС, 2007.

17. Шахаева А. А. Когнитивный подход в лингводидактике китайского языка // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 1 (57). С. 419–422.

REFERENCES

1. Zabotkina, V. I. (2012). Nekotorye tendencii razvitiya kognitivnyh issledovanij v Rossii [Slovo i smysl] = Some trends in the development of cognitive research in Russia. Word and meaning (pp. 205–216). Moscow. Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. (In Russ.)
2. Belyaevskaya, E. G. (2017). Interpretaciya znaniy o mire v yazyke: metody izucheniya = Interpretation of knowledge about the world in language: methods of study. In Boldyrev, N. N. (ed.), Interpretaciya mira v yazyke (pp. 82–155): collective monograph. Tambov: Derzhavin Tambov State University. (In Russ.)
3. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Games of tricks in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
4. Rosch, E., Lloyd, B. (1978). Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum.
5. Lakoff, J. (1986). Classifiers as a reflection of mind. In Craig, C. G. (ed.), Noun Classes and Categorization (pp. 13–52). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. (Typological Studies in Language, 7).
6. Croft, W., Cruise, A. D. (2004). Cognitive Linguistics. Cambridge University Press.
7. 张敏. 认知语言学与汉语名词短语. 北京: 中国社会科学出版社, 1998年 = Zhang Min (1998). Cognitive linguistics and Chinese noun phrases. Beijing: China Social Science Publishing House. (In Chinese)
8. 胡壮麟. 认知隐喻学. 北京: 北京大学出版社, 2004年 = Hu Zhuanglin. (2004). Cognitive metaphors. Beijing: Peking University Press. (In Chinese)
9. Kubryakova, E. S. (1996). Kategorizaciya = Categorization. In Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov (pp. 42–45). Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
10. Dragunov, A. A. (1952). Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitajskogo yazyka = Studies on the grammar of modern Chinese. Moscow–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
11. Gorelov, V. I. (1989). Teoreticheskaya grammatika kitajskogo yazyka = Theoretical grammar of the Chinese language. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
12. Kurdyumov, V. A. (2006). Kurs kitajskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika = Chinese language course. Theoretical grammar. Moscow: Citadel-treid; Veche. (In Russ.)
13. Tai, J. H-Y. (1994). Chinese Classifier Systems and Human Categorization. In Chen, M. Y., Tzeng, O. (eds.), In Honor of William S-Y. Wang: Interdisciplinary Studies on Language and Language Change. Taipei: Pyramid Press.
14. Wang, Lianqing. (1994). Origin and Development of Classifiers in Chinese. PhD Dissertation. The Ohio State University.
15. Krasikova, E. A. (2023). Cognitive dominants of the semantic space “part – whole” in Chinese (English-Chinese comparison). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 62–68. (In Russ.)
16. Jin, Tao. (2007). Konceptual'naya sistema prostranstva (fragment kitajskoj yazykovoj kartiny mira) = Conceptual system of space (a fragment of the Chinese linguistic picture of the world): monograph. Vladivostok: VGUES. (In Russ.)
17. Shahaeva, A. A. (2024). Cognitive approach to linguodidactics of the Chinese language. Cognitive language studies, 1(57), 419–422. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков Институт иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Aleksandrovna

PhD (Philology)

Associate Professor of the Department of Rare Languages Teaching Methodology

M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.04.2024
19.05.2024
20.05.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication